

КОНТУР ВРЕМЕНИ

Екатерина Мишаненкова

Белла Ахмадулина
Любовь — дело тяжелое!

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 71

Мишаненкова Екатерина

М71 Белла Ахмадулина. Любовь — дело тяжелое! / Мишаненкова Е.А. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Контур времени)

ISBN 978-5-17-102896-1

Она говорила о себе: «Я жила на белом свете и старалась быть лучше». Белла Ахмадулина, большой Поэт и просто красивая женщина. Какой она была?

Она царила в советской литературе, начиная с 50-х годов, когда взошла звезда будущих шестидесятников. Ей досталась не легкая задача — принять поэтическую эстафету из рук великих. Казалось невыполнимым, что найдется женщина, чье имя будут ставить рядом с именами Ахматовой и Цветаевой, но Ахмадулина с честью справилась с этой миссией.

Ее жизнь была похожа на роман — любовь, скандалы, огромная слава и долгая опала. К сожалению, она не писала мемуаров и почти не рассказывала о себе журналистам. В этой книге автор собрал все, что известно о детстве, юности и молодых годах Ахмадулиной от нее самой, ее друзей, мужей, детей — из мемуаров, интервью, радио- и телепередач и т. д.

Взгляните на нее глазами тех, кто ее любил и ненавидел. И составьте свое собственное мнение.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102896-1

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

По улице моей который год
звучат шаги — мои друзья уходят...

Кто из нас не помнит, как Надя Шевелева поет эту песню, а потом на вопрос Ипполита, чьи это стихи, отвечает: «Ахмадулиной».

Но что мы знаем о ней кроме того, что ее стихи так прекрасно ложатся на музыку? Кто такая Белла Ахмадулина? Какой она была?

Она царила в советской литературе начиная с 50-х годов, когда взошла звезда будущих шестидесятников. Ей досталась нелегкая задача — принять поэтическую эстафету из рук великих. Казалось невыполнимым, что найдется женщина, чье имя будут ставить рядом с именами Ахматовой и Цветаевой, но Ахмадулина с честью справилась с этой миссией.

Она была большим Поэтом, а еще — защитницей слабых, любительницей собак и просто красивой женщиной.

Ее жизнь была похожа на роман — любовь, скандалы, огромная слава и долгая опала. К сожалению, она не писала мемуаров, почти не рассказывала о себе журналистам, и даже книга ее воспоминаний — это что-то вроде сборника эссе о ее друзьях. Но снова не о ней самой.

Есть лишь немного обрывочных рассказов о ее детстве и юности, сохранившихся только благодаря ее мужу, замечательному художнику Борису Мессереру,

белла АХМАДУЛИНА

который, сам будучи талантливым и очень занятым человеком, находил время еще и на то, чтобы записывать и сохранять все, что она рассказывала.

В этой книге я постаралась собрать все, что известно о детстве, юности и молодых годах Ахмадулиной от нее самой, ее друзей, мужей, детей — из мемуаров, интервью, упоминаний в радио- и телепередачах и т. д.

Взгляните на нее глазами тех, кто ее любил и ненавидел. И составьте свое собственное мнение.

Рождение Беллы

*Я жила на белом свете и старалась быть лучше.**

При рождении она получила имя Изабелла. Ее мать, Надежда Макаровна Лазарева, была переводчицей и очень любила Испанию. Настолько, что решила дать дочери испанское имя, и не просто испанское, а королевское.

Но это имя не прижилось — достигнув более-менее сознательного возраста, Изабелла сама переименовала себя в Беллу. С тех пор все — родственники, друзья, поклонники — называли ее только так. Один Твардовский обращался к ней не иначе как «Изабелла Ахатовна», но для него она делала исключение. Для всех остальных она была Беллой, и большинство искренне считали, что это и есть ее полное имя. Тем более, оно ей очень подходило, ведь «Белла» по-итальянски означает «красавица».

С отчеством Ахмадулиной тоже не все так уж просто. Ее отец, татарин по национальности, носил имя Ахат (Ахат Валеевич Ахмадулин), следовательно, она была Ахатовна. Но так сложилось, что чем известнее она становилась, чем популярнее были ее стихи, тем больше людей проводили параллель между ней и Анной Ахматовой. И как-то само собой сло-

* Фрагменты, выделенные курсивом, принадлежат Белле Ахмадулиной. — *Прим. ред.*

Белла АХМАДУЛИНА

жилось так, что ее все чаще стали называть Беллой Ахматовной, словно подчеркивая преемственность поэзии от одного великого поэта* к другому. Сама Ахмадулина признавалась, что смущается, когда ее так называют, и все время поправляла: «Простите, я — Ахатовна, мой отец — Ахат».

Как бы то ни было, имя она получила от матери, отчество, разумеется, от отца, но постепенно они растаяли, словно старая кожа, словно кокон, который оставляет позади себя бабочка. Ей даже не пришлось брать псевдоним, как многим другим поэтам. Это случилось само собой — была Изабелла Ахатовна, стала Белла Ахматовна. Совпадение это или воля судьбы, некий указующий перст, напоминающий, что она была не такой, как все, и что даже в ее не самой обычной семье она все равно была «девочкой чужой»?

Моя первая яркая, отчетливая фраза и яркий, отчетливый цвет — сначала расцвели тюльпаны, и вдруг это угрюмое дитя, неприветливое, несимпатичное нисколько, вдруг увидело цветущие тюльпаны и сказало: «Я такого никогда не видала». То есть совершенно отчетливо такую четкую фразу. Все удивились, что мрачный и какой-то, может быть, и немудрый ребенок вдруг высказался. Меня это так поразило, что в утешение мне, в каком-то трол-

* Ни Ахматова, ни Ахмадулина не любили слово «поэтесса», поэтому из уважения к ним лучше его избегать.

лейбусе мы едем, мне купили, кто-то продавал, какая-то тетушка, бабушка продавала, несколько красных маков. То есть только я успела плениться ими и страшно поразиться, и быть так раненной этой алой их красотой, этим невероятным цветом этих растений, как ветер их сдул. Так начинались все неудачи, как эти маки пропавшие. Вот яркий и чудесный алый цвет сначала этих тюльпанов на какой-то гряде, и потом эти несколько маков, которые тут же судьба отняла, они улетели, в общем, какую-то трагедию снова я ощутила...

Да и она сама чувствовала себя чужой. Одно время даже думала, что ее перепутали в роддоме, тем более что такое вполне могло случиться — Надежда Макаровна вспоминала, что однажды ей на кормление принесли чужого ребенка, но она заметила и подняла скандал. И Белла, в очередной раз чувствуя, что ее не понимают, что она видит и ощущает то, что недоступно окружающим, включая и ее семью, раз за разом задумывалась: а вдруг все-таки ее перепутали?

Став старше, она отказалась от этих мыслей. Детская легковесность прошла, она стала тверже стоять на земле, ощущать свои корни и осознавать, какая гремучая смесь кровей — русской, итальянской и татарской — бурлит в ее венах.

Единственное, мне принадлежащее сокровище — русская речь. Я русская, хотя во

Белла АХМАДУЛИНА

мне разные крови присутствуют. Я русская по чувству и устройству, по матери, по бабушке, по паспорту, по прабабушкам и дедушкам.

Едва ли не впервые в истории русской поэзии имя стало ёмче фамилии — БЕЛЛА. И это не фамильярность со стороны читателей и почитателей. Белла Ахатовна — вот фамильярность, для самых близких.

Слава затмевает. Трудно разобраться, что слышишь, что видишь, что читаешь. Такое облако восторга, размытое по краям, как сквозь слёзы. Белла... что это, стихи? лицо? голос? вздор, стойка, повадка. Сразу не ответишь. Белла — это... Белла. Признание — род недоумения: неужели такое бывает? Нет, не может быть... Но вот же, вот! Есть, есть... но что же это?

И я — не твой читатель. Смотрю на страницу — а слышу голос. И буква — не вполне буква, и слово — полуначертано: отрывается, отлетает от страницы. Будто ухом видишь, очами слышишь. Строишь в книгу — слышишь, голос зовет: оборачиваешься, откуда... Нет, показалось, никого...

Андрей Битов,
советский и российский писатель,
один из создателей неформального объединения
«БаГаЖъ» (Битов, Ахмадулина, Габриадзе,
Алешковский, Жванецкий).

Но начать все же следует с начала. С того времени, когда до Беллы Ахматовны было еще очень далеко.

Изабелла Ахатовна Ахмадулина родилась 10 апреля 1937 года в Москве. Это особенный для страны год, со вполне заслуженной дурной славой, и Ахмадулину довольно долго мучила мысль о том, что она и такой страшный год волей судьбы оказались неразрывно связаны. Но со временем ей удалось справиться с этим комплексом, написав стихотворение «Варфоломеевская ночь», пропитанное размышлениями о судьбе ребенка, родившегося в жестокие времена:

Я думала в уютный час дождя:
а вдруг и впрямь, по логике найти,
заведомо безнравственно дитя,
рожденное вблизи кровопролитья.

...

Еще птенец, едва поющий вздор,
еще в ходьбе не сведущий козленок,
он выжил и присвоил первый вздох,
изъятый из дыхания казненных.

Выплеснутые в стихах раздумья помогли ей принять дату своего рождения и даже в какой-то степени полюбить ее. «Я в общем вполне счастлива, что родилась в страшном 1937-м году, — говорила она. — Да и все мои лучшие друзья родились либо в 1937-м, либо примерно в это время — Андрей Битов, Василий Аксенов. Это уже само по себе свидетельствует

Белла АХМАДУЛИНА

о стойкости нашего народа. Вообще человеку как бы предназначена благополучная или неблагополучная жизнь. Иногда я хотела бы, чтобы судьба смягчилась бы ко мне не ради меня самой — это уже мое призвание, — а ради детей».

Без сомнения, время, в которое она родилась, наложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь Беллы Ахмадулиной. Еще будучи ребенком, не понимая и не задумываясь о происходящем, она, видимо, улавливала общую атмосферу, царившую вокруг нее. Атмосферу страха и ожидания.

«Осталась где-то жалкая, убогая фотография: две унылые женщины — это мать моя, моя тетка, — а вот в руках у них то, что они только что обрели, то, что появилось на свет в апреле 1937 года, — говорила она. Или даже не говорила, а гредила вслух, уходя в воспоминания о столь раннем детстве, которое большинство людей не помнит даже в виде смутных ощущений. — Знает ли это малосформированное несчастное личико, что же предстоит, что же дальше будет? Всего лишь апрель тридцать седьмого года, но вот этому крошечному существу, этому свертку, который они держат, прижимают к себе, как будто что-то известно, что творится вокруг. И довольно долгое время в раннем, самом раннем начале детства меня осеняло какое-то чувство, что я знаю, не смотря на полное отсутствие возраста, что я знаю что-то, что и не надо знать и невозможно знать, и, в общем, что выжить — невозможно».

Откуда взялись такие странные мысли и чувства у маленького вполне благополучного ребенка? Ведь ее семья была более чем «хорошей» по советским меркам. Мать — переводчица в структуре госбезопасности, отец — комсомольский и партийный работник, в годы Великой Отечественной войны гвардии майор, заместитель по политчасти командира 31-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, потом — крупный ответственный работник Государственного таможенного комитета СССР.

Как писал в 1957 году ее первый муж, Евгений Евтушенко:

Дочь таможенника Ахата,
переводчицы из КГБ,
ты настолько была языката,
что боялись подъехать к тебе.

Дива, модница, рыцарь, артистка,
угощатель друзей дорогих,
никогда не боялась ты риска,
а боялась всегда за других.

Но именно из семьи и окружения пошли первые тревоги Беллы, первые ее смутные ощущения тревоги и таящегося зла. Возможно, родись она где-нибудь в провинции, в простой семье, ее детство было бы куда более безмятежным. Но поскольку ее родители были людьми достаточно значимыми, в конце 30-х годов они оказались в самой гуще событий — аресты, перешептывания, страхи и подозре-

Белла АХМАДУЛИНА

ния окутывали их, а следовательно, и их маленькую дочь плотной пеленой.

Ахмадулина с горечью вспоминала, что ее детство прошло в доме, где без конца арестовывали людей. Она чувствовала, что происходит что-то не то, но была слишком мала, чтобы понять это, и могла только из песочницы, с совочком в руках, наблюдать, как люди уезжают куда-то и больше не возвращаются. «Я не могла знать, не могла понимать, что происходит, — говорила она спустя много лет, — но некий след во мне остался. Даже неграмотный, не очень тонкий слух ребенка многое улавливает. Я была беспечной, благополучной девочкой, однако ощущение зловещей сени несомненно присутствовало. Наш дом, старинная усадьба на углу Садового кольца и Делегатской улицы, назывался почему-то «Третий Дом Советов». Самые обреченные, мы знаем, жили в Доме на набережной... А наш предназначался для мелких, о которых поначалу как бы забыли ради более важных. Слава богу, моей семье это напрямую не коснулось. Но ближайший друг, писатель Феликс Светов — чистейший, добрейший, нежнейший, никогда не затаивший на белый свет никакой обиды и, как потом выяснилось, живший со мной в одном доме (только он на десять лет старше), был ребенком «врагов народа». У него всех посадили. Позднее мы всё собирались туда, где, проходя мимо, подростком он видел, как я маленькая важно лепила куличики».

Не обошли репрессии стороной и семью Беллы. Ее отец занимал слишком высокую должность,

чтобы остаться незамеченным, но в то же время недостаточно высокую, чтобы его судьба была делом государственной значимости. Поэтому, когда его исключили из партии и сняли со всех постов, Надежде Макаровне удалось как-то, через свои связи в госбезопасности, помочь ему не только сохранить жизнь, но и со временем вернуть прежнее положение.

«Он был в отчаянии, я все время это чувствовала, — вспоминала Ахмадулина. — Мать что-то мне говорила, что ей удалось отца спасти, каким-то образом... Я ведь не знала, не знала до довольно взрослого времени, где она работает. А она не знала, по-моему, что она делала. Ну, переводчица и переводчица. Она училась в Институте иностранных языков, там где-то, в Арбатском переулке, по-моему, и с детства знала какие-то языки, а потом учила японский и испанский, знала английский, французский. И видимо, была на хорошем счету, не знаю. И ее никто не трогал, и отца она как-то спасла». Впрочем, эту тему у них в семье предпочитали не обсуждать, да и сама Белла не задавала лишних вопросов, чтобы не тревожить болезненные воспоминания родителей, да и не напоминать лишний раз как себе, так и другим, в какой структуре работала ее мать. Это была одна из тем, которые она не обсуждала. Поэтесса Инна Богачинская очень точно называла ее «внутренним диссидентом»: «Она не выходила на площадь с антиправительственными лозунгами, но в разговорах с отвращением говорила о власть предержащих. О деятельности ее мамы я совершенно не осведомлена. Мы никогда этой темы не касались».